

УДК 811.161.1'42

UDC 811.161.1'42

**МОДЕЛИ КОСВЕННЫХ РЕЧЕВЫХ
АКТОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ
ПОБУЖДЕНИЯ В ОФИЦИАЛЬНОМ
ДИСКУРСЕ РУССКОЙ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ПРОЗЫ 1920-х гг.**

**MODELS OF INDIRECT SPEECH
ACTS WITH THE MEANING
OF MOTIVATION
IN THE OFFICIAL DISCOURSE
OF RUSSIAN FICTION
OF THE 1920s**

Н. А. Михальчук,

*кандидат филологических наук, доцент,
докторант кафедры русского языка БГУ
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2611-9486>*

N. Mikhalchuk,

*candidate of philological sciences, associate
professor, doctoral student at BSU
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2611-9486>*

Поступила в редакцию 29.05.2024.

Received on 29.05.2024.

Исследуются косвенные речевые акты со значением побуждения в официальном дискурсе в русской прозе 1920-х гг. Выделены и разграничены типы косвенных речевых актов с данным значением. Обосновано, что косвенные побуждения в текстах произведений представлены высказываниями со средствами модальности со значением долженствования, конструкциями с глаголами в форме будущего времени, с формами сослагательного наклонения, с модальным глаголом «мочь». В каждом гипержанре официального дискурса выявлены специфические особенности употребления косвенных побуждений.

Ключевые слова: непрякая коммуникация, косвенный речевой акт со значением побуждения, официальный дискурс.

Indirect speech acts with the meaning of motivation in official discourse in Russian prose of the 1920s are studied. The types of indirect speech acts with this meaning are identified and delimited. It is substantiated that indirect motivations in the texts of works are represented by statements with modal means with the meaning of must, constructions with verbs in the form of the future tense, with forms of the subjunctive mood, with the modal verb “can”. In each hyper-genre of official discourse, specific features of the use of indirect incentives have been identified.

Keywords: indirect communication, indirect speech act with the meaning of incentive, official discourse.

Введение

Термин «непрякая коммуникация», получивший распространение в лингвистических исследованиях в последние десятилетия, был введен представителем Саратовской лингвистической школы В. В. Дементьевым в работе «Непрякая коммуникация и ее жанры» в 2000-х гг. [1] Вслед за лингвистом мы определяем непрякую коммуникацию как «содержательно осложненную коммуникацию, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата» [2, с. 5]. В качестве разновидности непрякой коммуникации учеными трактуются косвенные речевые акты. Данные высказывания Дж. Серль определяет как случаи использования в целях передачи иллокуции У высказываний, грамматическая форма которых обычно употребляется для выражения иллокуции Х [3].

Принимая определение М. Л. Макарова, к косвенным речевым актам мы относим «случаи, когда говорящий подразумевает од-

новременно и прямое значение высказывания, и нечто большее, а само высказывание имеет две иллокутивные функции» [4, с.107–108]. Таким образом, дифференциальным признаком, позволяющим фиксировать косвенность, в данной статье мы считаем потенциал употребления речевого акта с двумя иллокутивными функциями. Например, высказывание «Ой, как холодно» может функционировать как репрезентатив в ситуации, когда коммуниканты выходят на улицу и обмениваются впечатлениями о погоде (прямой речевой акт со значением сообщения), и как директив в том случае, если адресат находится недалеко от окна и говорящий надеется, что он его закроет (косвенная реализация интенции побуждения).

Вслед за Н. И. Формановской мы считаем побудительность одним из «целесообразных говорящего, отражающим его волеизъявление, с одной стороны, а с другой – побуждение к действию адресата» [5, с. 188]. Принимая перечень номинаций частных побудительных значений, предложенный Н. И. Формановской: просьба, предложение, совет, требование,

приказ, предупреждение, запрет, разрешение, подстрекательство, соблазнение, мы добавляем в него приглашение [5].

К косвенному речевому акту с интенцией побуждения мы относим высказывание, в котором прагматическое значение выражается в виде речевых структур, не предназначенных для его реализации (в форме вопроса или сообщения) и имеющих потенциал к прямому употреблению в другом контексте. В качестве речевых актов, прямо реализующих коммуникативное намерение побуждения, рассматриваем конструкции с глагольной формой императива и с перформативным глаголом.

В отличие от частного дискурса, официальное общение является статусно-ориентированным, в нем адресант и адресат выступают в качестве представителей определенных общественных групп, придерживаются социальных ролей. Как отмечает В. И. Карасик, системообразующим признаком институционального дискурса является «статусная, представительская функция человека» [6, с. 190]. Основные характеристики официального общения – стабильность, традиционность и стандартизованность [7].

Анализируя официальную беседу, мы рассматриваем как коммуникацию между статусно неравными адресантом и адресатом (ядро дискурса), так и общение между равными по статусу языковыми личностями (зона, приближающаяся к ядру), а также между представителем социального института и тем, кто к нему не принадлежит (периферия дискурса) [6].

Вместе с тем в большинстве случаев в официальной беседе не происходит полного нивелирования личностного начала. В качестве критериев, позволяющих выделять контексты институционального общения в исследуемых произведениях, мы называем следующие: наличие коммуникативной дистанции между адресантом и адресатом; обусловленность общения принадлежностью коммуникантов к социальному институту; связь цели общения с социальным институтом (для выделения контекста необходима совокупность признаков).

Для репрезентации коммуникативных интенций говорящему в официальной беседе, как правило, не предоставляется свободы в выборе речевых и языковых средств, не открывается пространства для творческого, индивидуализированного применения коммуникативных стратегий и тактик. Адресанты вынуждены следовать установленным в социуме и закрепленным за данной ситуацией общения правилам речевого поведения,

и мы предполагаем, что ими должны избираться клишированные, конвенциональные средства языка и речи.

Цель данной статьи – выявление характерных черт косвенной реализации побуждения в официальном дискурсе в русской прозе 1920-х гг.: основных речевых моделей выражения интенции, специфики их употребления в различных гипержанрах. В качестве объекта исследования в работе выступают косвенные речевые акты со значением побуждения, функционирующие в диалогах персонажей произведений русских писателей 1920-х гг. Предмет исследования – модели косвенного выражения побуждения и их функционирование в различных гипержанрах официального дискурса.

В качестве материала для анализа были выбраны повесть А. Фадеева «Разлив» (1923 г.), роман «Разгром» (1926 г.) [8], роман К. Федина «Города и годы» (1924 г.) [9], повести М. Булгакова «Собачье сердце» (1925 г.), «Роковые яйца» (1926 г.) [10].

Анализу подлежит группа косвенных речевых актов со значением побуждения (общее число высказываний – 316). Изучение косвенных речевых актов проводится в контексте диалогового общения персонажей. Высказывания, релевантные для проблематики статьи, отбирались методом сплошной выборки.

Основная часть

Как показывают результаты нашего исследования, в анализируемых текстах произведений актуализированы следующие гипержанры официального дискурса: **административный дискурс** (общение между интеллигенцией и новой советской властью в повести М. Булгакова «Собачье сердце», между представителями органов местного управления и народом в романе К. Федина «Города и годы», в повести А. Фадеева «Разлив» и романе «Разгром»); **военный дискурс** (коммуникация между участниками военных событий в романе А. Фадеева «Разгром», К. Федина «Города и годы»); **дискурс представителей научной общественности** (диалоги ученого и его коллеги, высказывания профессора, адресованные корреспондентам, в повестях М. Булгакова «Собачье сердце», «Роковые яйца»); **журналистский дискурс** (реплики журналистов, направленные профессору в повести М. Булгакова «Роковые яйца»); **дискурс врачебной практики** (диалог между профессором и пациентами в повести М. Булгакова «Собачье сердце»).

На основе результатов анализа пяти указанных выше речевых гипержанров выделим основные способы выражения косвенного побуждения в официальном общении. Объеди-

нение различных типов дискурса при анализе обусловлено общим для них контекстом эпохи 1920-х гг., единым стилем речевой коммуникации данного времени.

Во всех произведениях директивное значение в преобладающем числе случаев реализуется в форме сообщения: от 82 до 94 % контекстов у каждого автора составляют побуждения в виде повествовательных и побудительных конструкций с иллюкутивной функцией сообщения.

Определим наиболее частотные модели **косвенного выражения побуждения в форме высказываний с иллюкутивной силой сообщения.**

1. Высказывания, содержащие средства выражения модальности «нужно», «надо», «должен» (43 контекста)

Непрямые реализации интенции со средствами модальности со значением долженствования закономерно являются одной из самых частотных групп среди косвенных побуждений: они в целом отражают импозитивный, категоричный характер официальной коммуникации и обычно адресуются вышестоящим нижестоящему. Ср.: *«Надо хорошие похороны, – это хороший красный командир!»* (= организуйте; приказ; «Города и годы»). *«В сжавшейся тишине лязнул затвор и, запнувшись за что-то, жалобно заскрипел. Слышно было, как нервничают руки, стараясь достать патрон. «Почаще смазывать надо, – насмешливо сказал Левинсон»* (= смазывай, приказ с оттенком неодобрения; «Разгром»). *«На воинский учет необходимо взяться»* (=встаньте; требование; «Собачье сердце»).

Вместе с тем в данных примерах действии, к которому говорящий побуждает адресата, прямо не соотносится со слушающим, наблюдается коммуникативная отстраненность реализации интенции, что приводит к снижению категоричности высказываний. Конструкции со средствами выражения модальности «надо», «нужно» в официальном дискурсе в меньшей степени, чем соответствующие им императивы, характеризуются коммуникативным давлением на адресата. Подобные непрямые реализации интенций, фигурируя во всех гипержанрах, являются частотными в военном и административном видах дискурса.

2. Конструкции с глаголом в форме будущего времени (40 случаев употребления)

Использование глагольных форм будущего времени в побудительных высказываниях основано на особом свойстве индикатива – совмещать модальные значения реальности и «позитивной» ирреальности.

Повествовательные конструкции косвенно реализуют интенции приказа, предложения, просьбы и демонстрируют авторитетность говорящего – личности с более высоким статусом (командира, врача, ученого), утверждают приоритет его позиции. Данные речевые формы в исследуемых текстах отмечены во всех гипержанрах официального дискурса, кроме журналистского. *«Свезешь в отряд Шалдыбы», – сказал Левинсон, протягивая пакет* (=отвези; приказ; «Разгром»). *«Скажешь Дубову, чтобы прислал Ефимку, и можешь отправляться»* (= скажи; приказ; «Разгром»). *«Кстати, проверишь, что он за парень»* (=проверь; приказ; «Разгром»). *«Ляжете в клинику с утра»* (=ложитесь; требование; «Собачье сердце»).

3. Высказывания с формами сослагательного наклонения (32 контекста)

Конструкции с формами сослагательного наклонения используются с целью смягчения реализации интенции. В большинстве случаев высказывания адресуются нижестоящими вышестоящим и характерны для административного и медицинского гипержанров. Сослагательное наклонение в данном случае, как отмечает Н. И. Формановская, не переводит высказывание в модальный план ирреальности, а демонстрирует вежливость по отношению к адресату [4]. Ср.: *«Ты бы, Осип Абрамыч, прошелся как-нибудь по покосам, посмотрел, чем косят люди. Целых кос ни у кого, хучь бы одна для смеху – все латаные»* (=пройдись; просьба крестьян, обращенная к командиру партизанского отряда; «Разгром»). *«И еще, Иван Кириллыч, зря пуцаешь в волость разные газеты. Ни черта ни поймешь – ясное дело. Присылал бы уж которую одну»* (= присылай одну; совет лесника председателю областного правления; «Разлив»). *«Эх, профессор, если бы вы открыли способ, чтобы и волосы омолаживать!»* (=открой; совет пациента врачу; «Собачье сердце»).

4. Высказывания с модальным глаголом «мочь» (24 контекста)

Модель реализуется в случае выражения предложения и смягченного приказа и наблюдается преимущественно в административном дискурсе. Ср.: *«Можешь убираться на все четыре стороны. Мне баламутов не надо»* (=убирайся; приказ; «Разгром»). *«Но вы можете заявить мне о решении схода, о котором говорили, я передам товарищу Голосову»* (=заявите; предложение; «Города и годы»).

5. Высказывания с предикатом «хотеть / желать», с лексемой «желание» (15 случаев использования)

Конструкции с экспликацией желания говорящего, выступающие в значении побужде-

ния, являются частотными в административном дискурсе романа К. Фадеева «Города и годы», и в меньшей степени – в других текстах. Ср.: «*Это мы знаем! Только желание наше – говорить с председателем Голосовым*» (=пустите к нему; требование); «– *Но я выражаю желание идти на фронт, а не оставаться здесь. – Товарищ дорогой. Я тоже выражаю желание, чтобы ты остался здесь*» (=направьте на фронт; оставайтесь в тылу; просьба, во втором случае – просьба-отказ). Как правило, такие речевые формы усиливают субъективную составляющую в официальной беседе, личностное начало, эмоциональность.

К менее употребительным моделям конвенционального выражения побуждения относятся конструкции с транспозицией глагольных форм настоящего времени изъявительного наклонения («*Товарищи! Мы уходим отсюда*» (=уходите; приказ; «Разгром»); с лексемами «зря», «напрасно» (ср. «*Зря ты с ними путаешься. Трепачи*» (=не путайся; совет; «Разгром»); сентенционный тип выражения значения («*Икание за столом отбивает у других аппетит*», – *машинально сообщил Борменталь*» (=не икай; запрет; «Собачье сердце») и некоторые другие.

В анализируемых текстах преобладают ритуализированные косвенные речевые акты, к которым мы относим языковые (речевые) конструкции, частично закрепленные за коммуникативной интенцией, обычные, общепринятые в речи. Для неритуализированных реализаций интенций не характерна регулярность употребления, они имеют индивидуализированный характер.

Что касается не закрепленных за речевой ситуацией, нетипизированных, содержащих высокую степень «зашифрованности» косвенных речевых актов, то в официальном дискурсе такие высказывания не являются частотными, что обусловлено его основными характеристиками [7]. Примеры творчески организованных, требующих значительных усилий от адресатов при интерпретации высказываний мы находим в речи Ф. Ф. Преображенского в повести «Собачье сердце» М. Булгакова, а также в военном гипержанре произведений А. Фадеева. Обратимся к текстам произведений.

«*Если бы сейчас была дискуссия, – начала женщина, волнуясь и загораясь румянцем, – я бы доказала Петру Александровичу... – Виноват, вы же не сию минуту хотите открыть эту дискуссию? – вежливо спросил Филипп Филиппович. Глаза женщины*

загорелись: – Я понимаю вашу иронию, профессор, мы сейчас уйдем...» (=прошу вас уйти; просьба; «Собачье сердце») Вопрос с отрицанием о действиях адресата выступает в значении побуждения к другому действию – покинуть помещение, и интенция верно декодируется адресатом.

«– *Послал я его с донесением, да время очень тревожное, а там вся наша сводка. – Так можно ведь и еще послать. – сказал Мечик неестественным голосом, стараясь делать вид, будто нет ничего особенного в его словах. – Не думаете еще послать? – А что? – насторожился Левинсон. – Да так... Если думаете, могу я свезти... Мне там все знакомо*» (= отправьте меня; просьба-намека; «Разгром»). Оформляя побуждение, говорящий начинает с коммуникативной отстраненности – с туманного намека, выраженного безличным предложением, формулирует вопрос с отрицанием о дальнейших действиях адресата и только затем вносит конкретное предложение, реализуемое конструкцией с модальным глаголом «мочь».

Заключение

Наше предположение о стремлении говорящего в официальном дискурсе к использованию стандартизированных, клишированных речевых средств подтвердилось. Смягчающие намерение речевые формы использует, как правило, нижестоящий по отношению к вышестоящему (подчиненный – к начальнику, пациент – к врачу), к ним относятся конструкции с формами сослагательного наклонения. В репликах вышестоящего, адресованных нижестоящему, наблюдаются конструкции с формами глаголов будущего времени, высказывания с модальными глаголами со значением возможности, необходимости и долженствования.

Каждый из видов официального дискурса, представленных в диалогах персонажей, имеет свои особенности. Так, административный гипержанр отмечен наибольшим числом случаев реализаций и отличается разнообразием способов языковых и речевых репрезентаций интенций. В военном гипержанре частотными являются высказывания со средствами выражения модальности и с транспозицией глагольных форм будущего времени изъявительного наклонения. Гипержанр врачебной практики также ограничивается использованием в значении побуждения двух основных типов косвенных речевых актов: конструкций с предикатом в форме будущего времени и в форме сослагательного наклонения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дементьев, В. В. Непрямая коммуникация и ее жанры / В. В. Дементьев ; под ред. В. Е. Гольдина. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2000. – 245 с.
2. Дементьев, В. В. Непрямая коммуникация / В. В. Дементьев. – М. : Гнозис, 2006. – 374 с.
3. Серль, Дж. Р. Косвенные речевые акты / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. – М., 1986. – Вып. 17: Теория речевых актов. – С. 195–223.
4. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
5. Формановская, Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения / Н. И. Формановская. – М.: Ин-т рус. яз., 1998. – 291 с.
6. Карасик, В. И. О категориях дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты : сб. науч. тр. / Волгогр. гос. пед. ун-т Н.-и. лаб. «Яз. и личность», Саратов. гос. ун-т. НИИ рус. яз. и лит.; редкол.: В. И. Карасик (отв. ред.) [и др.]. – Волгоград ; Саратов, 1998. – С. 185–197.
7. Чечет, Р. Г. Культура речи / Р. Г. Чечет. – Минск: РИПО, 2019. – 242 с.
8. Фадеев, А. Разгром / А. Фадеев. – СПб.: Азбука, 2023. – 381 с.
9. Федин, К. Города и годы / К. Федин. – М. : Художественная литература, 1988. – 558 с.
10. Булгаков, М. Избранные произведения в двух томах. Том 2. / М. Булгаков. – Минск : Мастацкая літаратура, 1990. – 543 с.

REFERENCES

1. Dement'ev, V. V. Nepryamaya kommunikaciya i ee zhanry / V. V. Dement'ev ; pod red. V. E. Gol'dina. – Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta, 2000. – 245 s.
2. Dement'ev, V. V. Nepryamaya kommunikaciya / V. V. Dement'ev. – M. : Gnozis, 2006. – 374 s.
3. Serl', Dzh. R. Kosvennyye rechevye akty / Dzh. R. Serl' // Novoe v zarubezhnoj lingvistike : sb. st. – M., 1986. – Vyp. 17: Teoriya rechevyh aktov. – S. 195–223.
4. Makarov, M. L. Osnovy teorii diskursa / M. L. Makarov. – M.: ITDGK «Gnozis», 2003. – 280 s.
5. Formanovskaya, N. I. Kommunikativno-pragmaticheskie aspekty edinic obshcheniya / N. I. Formanovskaya. – M.: In-t rus. yaz., 1998. – 291 s.
6. Karasik, V. I. O kategoriyah diskursa / V. I. Karasik // Yazykovaya lichnost': sociolingvisticheskie i emotivnye aspekty : sb. nauch. tr. / Volgogr. gos. ped. un-t N.-i. lab. «Yaz. i lichnost'», Sarat. gos. un-t. NII rus. yaz. i lit.; redkol.: V. I. Karasik (otv. red.) [i dr.]. – Volgograd ; Saratov, 1998. – S. 185–197.
7. Chechet, R. G. Kul'tura rechi / R. G. Chechet. – Minsk: RIPO, 2019. – 242 s.
8. Fadeev, A. Razgrom / A. Fadeev. – SPb.: Azbuka, 2023. – 381 s.
9. Fedin, K. Goroda i gody / K. Fedin. – M. : Hudozhestvennaya literatura, 1988. – 558 s.
10. Bulgakov, M. Izbrannye proizvedeniya v dvuh tomah. Tom 2. / M. Bulgakov. – Minsk : Mastackaya litaratura, 1990. – 543 s.